

ISSN 2413-130X

Журнал основан в 2015 году.
Включает 3 направления:
«Философия», «История», «Право»

4

Декабрь 2016
Издается 4 раза в год
www.npzhdialog.ru

14–17

ТЕОРИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В РФ: СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

6

О доказывании
в административном процессе
Российской Федерации

30

Понятие и признаки
административной
ответственности за нарушение
интеллектуальных прав

23

Органы местного самоуправления
в городах II половины XIX в.:
исторический анализ

36

Юридическая наука на рубеже
XIX–XX вв.: вопросы методологии

Nauchno-prakticheskiy zhurnal Dialog is founded in 2015. The journal is included into the **Russian Science Citation Index**. It contains three directions: «Philosophy», «History», «Law». Published 4 times a year.

Главный редактор:

Кабилова Саодат Абдусатторовна — доцент кафедры государственных и международно-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (МИ ВлГУ), кандидат философских наук

Выпускающий редактор:

Гюльвердиев Раму Бекюханович — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин МИ ВлГУ

Члены редакционной коллегии:

Головкин Роман Борисович — заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор

Залужный Александр Гаврилович — руководитель центра экспертных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), доктор юридических наук, профессор

Каткова Лариса Владимировна — заведующая кафедрой государственных и международно-правовых дисциплин МИ ВлГУ, кандидат философских наук, доцент

Колоколов Никита Александрович — судья Верховного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор

Коломытцев Николай Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Лебедева Наталья Николаевна — заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского, кандидат юридических наук, доцент

Либанова Светлана Эдуардовна — профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Мекка Олег Алексеевич — декан юридического факультета МИ ВлГУ, кандидат философских наук, доцент

Телешина Наталья Николаевна — доцент кафедры государственных и международно-правовых дисциплин МИ ВлГУ, кандидат юридических наук, доцент

Халин Алексей Алексеевич — заведующий кафедрой истории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, профессор

Штыкова Наталья Николаевна — заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин МИ ВлГУ, кандидат юридических наук, доцент

Editor-in-chief:

Kabilova Saodat Abdusattorovna — associate professor of the department of public and international legal disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs (MI VISU), candidate of sciences (philosophy)

Commissioning editor:

Gyul'verdiev Ramu Beyukhanovich — lecturer of the department of civil law discipline of MI VISU

Members of editorial board:

Golovkin Roman Borisovich — deputy head for scientific research of Vladimir Law Institute of the Federal penitentiary service of Russia, doctor of sciences (law), professor

Zaluzhnyy Aleksandr Gavrilovich — director of the center expert studies of Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA), doctor of sciences (law), professor

Katkova Larisa Vladimirovna — head of the department of public and international legal disciplines of MI VISU, candidate of sciences (philosophy), associate professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich — judge of the Supreme Court, retired, doctor of sciences (law), professor

Kolomytsev Nikolay Alekseevich — doctor of sciences (law), professor, honoured lawyer of the Russian Federation

Lebedeva Natal'ya Nikolaevna — head of the department of civil law disciplines of Moscow State University of technology and management named after K. G. Razumovsky, candidate of sciences (law), associate professor

Libanova Svetlana Eduardovna — professor of the department of constitutional law of Ural State Law University, doctor of sciences (law), associate professor

Mekka Oleg Alekseevich — dean of the law faculty of MI VISU, candidate of sciences (philosophy), associate professor

Teleshina Natal'ya Nikolaevna — associate professor of the department of public and international legal disciplines of MI VISU, candidate of sciences (law), associate professor

Khalin Aleksey Alekseevich — head of the department of history of state and law of Nizhny Novgorod Institute of management — branch of RANEPA, doctor of sciences (history), professor

Shtykova Natal'ya Nikolaevna — head of the department of civil law disciplines of MI VISU, candidate of sciences (law), associate professor

**НОВИНКИ НАУЧНЫХ
ИЗДАНИЙ**

- 6** **Галузо В. Н.** О доказывании в административном процессе Российской Федерации

РЕЦЕНЗИИ

- 14** **Штыкова Н. Н.** Теория доказывания в Российской Федерации: соотношение уголовного процесса и криминалистики

**АКТУАЛЬНЫЙ
ВОПРОС**

- 18** **Вызулин Е. А.** Образовательная среда как средство формирования профессионально-этической культуры сотрудников внутренних дел в условиях дополнительного профессионального образования

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА**

- 23** **Попова В. В.** Органы местного самоуправления в городах II половины XIX в.: исторический анализ

**ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО: ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА**

- 30** **Кулаков Н. А.** Понятие и признаки административной ответственности за нарушение интеллектуальных прав

- 36** **Фролова Е. А.** Юридическая наука на рубеже XIX–XX вв.: вопросы методологии

**ТРИБУНА
МОЛОДОГО УЧЕНОГО**

- 44** **Андреева О. Н.** Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц в российском праве

**NOVELTIES
OF SCIENTIFIC
PUBLICATIONS**

- 6 Galuzo V. N.** The evidence in the administrative process of the Russian Federation

REVIEWS

- 14 Shtykova N. N.** Theory of evidence in the Russian Federation: the ratio of the criminal process and criminalistics

ACTUAL QUESTION

- 18 Vyzulin E. A.** Educational environment as a means of formation of professional and ethical culture of employees of internal affairs in conditions of additional vocational education

**HISTORY
OF STATE AND LAW**

- 23 Popova V. V.** Local authorities in cities of the second half of the XIX century: a historical analysis

**STATE AND LAW:
THEORY & PRACTICE**

- 30 Kulakov N. A.** Concept and signs of administrative liability of infringement of the intellectual rights
- 36 Frolova E. A.** Law science at the turn of XIX–XX centuries: methodology questions

**YOUNG
SCIENTIST'S FORUM**

- 44 Andreeva O. N.** The Institute of insolvency (bankruptcy) of individuals in Russian law

УДК 34

О доказывании в административном процессе Российской Федерации

Галузо Василий Николаевич, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института образования и науки,
кандидат юридических наук

vgrmn@yandex.ru

Аннотация: В статье обосновано суждение о необходимости обособления доказывания в административном процессе Российской Федерации в качестве разновидности процессуального доказывания. **Ключевые слова:** Российская Федерация, Конституция РФ, судопроизводство, административное судопроизводство, процессуальное доказывание, административный процесс, доказывание.

Предметом данной статьи является доказывание в административном процессе Российской Федерации.

Принятие Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. [1; 2, с. 98–102] активизировало научные изыскания представителей науки административного права.

Так, предметом исследования, осуществленного А. Б. Дудаевым, «стали правовые и процессуальные нормы, закрепляющие конкретные виды доказательств и порядок их использования в производстве по делам об административных правонарушениях» [3, с. 3; 4].

С. Н. Махина фактически проводит разграничение между понятиями «правосудие» и «административное судопроизводство»: «Административный процесс должен рассматриваться как форма правосудия по делам о спорах о субъективном публичном праве. Правосудие (административное судопроизводство) по этой категории дел характеризуется следующими признаками: 1) административное судопроизводство — вид государственной деятельности; 2) правосудие по административным делам осуществляется только судом; 3) осуществление правосудия должно быть детально регламентировано в законе —

UDC 34

The evidence in the administrative process of the Russian Federation

Galuzo Vasiliy Nikolaevich, senior research associate of Research Institute of science and education, candidate of sciences (law)

vgrmn@yandex.ru

Annotation: In the article judgment of need of isolation of proof for administrative process of the Russian Federation as a kind of procedural proof is proved. **Keywords:** Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, legal proceedings, administrative legal proceedings, procedural proof, administrative process, proof.

Административно-процессуальном кодексе; 4) правосудие осуществляется путем рассмотрения споров о субъективном публичном праве; 5) правосудие осуществляется по правилам искового производства; 6) отправление правосудия по делам о публичном праве связано с возможностью применения особых мер государственного принуждения» [5, с. 208].

А. А. Пеков, исследуя «институты доказательств и доказывания по делам об административных правонарушениях», формулирует несколько выводов: «Определение понятия доказательства по делам об административных правонарушениях, результаты исследования их юридических свойств и предложенная их классификация»; «Функциональная

схожесть задач административно-юрисдикционного процесса с задачами правосудия наталкивает на мысль, что и органы административной юрисдикции при рассмотрении дел об административных правонарушениях выполняют функцию правосудия»; «Доказывание всегда носит целенаправленный характер. В отличие от «познания», «доказывание» может осуществляться только определенными субъектами, в определенных формах и определенными средствами (доказательствами). По мнению диссертанта, под доказыванием по делам об административных правонарушениях необходимо понимать вид процессуальной деятельности лиц (органов), правомочных принимать решение по

делу об административном правонарушении, и других участников производства по соби- ранию, проверке и оценке доказательств в целях установления истины и решения иных задач производства по делу об административном правонарушении» [6, с. 7, 10, 12–13].

Поиск теоретического обоснования доказы- вания по делам об административных правонарушениях активизировался в связи с принятием [7] и введением в действие [8] Ко- декса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КРФоАП). Широко распространенная аббревиатура «КоАП РФ» не имеет правового обоснования.

Закоперщиком в этом процессе факти- чески выступила О. В. Чекалина: «Многие годы административно-юрисдикционная дея- тельность отождествлялась с производством по делам об административных правона- рушениях»; «Концепция административной юрисдикции, разработанная в 60–80 годы, не отражает в полной мере объективные за- кономерности современного состояния этой проблемы» [9, с. 3, 5]. Этим же автором вы- сказано несколько представляющих интерес суждений: «...в настоящее время, ввиду от- сутствия в России специальных административных судов, а также с учетом действующего законодательства, более правильной представляется точка зрения, согласно кото- рой в качестве субъекта административной юрисдикции следует признавать не только органы исполнительной власти (должност- ные лица), но и органы судебной власти»; «Именно поэтому, в целях избежания пута- ницы в терминологическом аппарате, в связи

с наличием разнообразных концепций адми- нистративного процесса, целесообразно обо- значать административно-процессуальную деятельность юрисдикционного содержания термином «административно-юрисдикцион- ный процесс», а не «административный про- цесс» [9, с. 11, 15].

Наибольший интерес представляют ре- зультаты научных изысканий Ф. П. Васи- льева, который, несмотря на разнообразие использованных терминов («теория процес- суального доказывания», «теория доказы- вания», «теория доказательств»), смог «опре- делить» систему «исторически сложившихся этапов развития процесса доказывания по административным делам»: «На основе про- веденных исследований развитие процесса доказывания по делу можно разделить на следующие этапы: 1. Регулирование процес- са доказывания по делу княжескими устава- ми и указами, по существу, характерно для первоначального этапа формирования и ста- новления правового регулирования в России. 2. Регулирование процесса доказывания по делу царскими указами началось с посте- пенного объединения княжеских вотчин, отдельных (Псковских, Новгородских и др.) государств, с созданием Российского государ- ства с сильным централизованным аппаратом управления. 3. Регулирование процесса до- казывания по делам об административных правонарушениях нормативными правовы- ми актами советской власти. 4. Регулирова- ние процесса доказывания по делам об ад- министративных правонарушениях нормами КоАП РСФСР. 5. Современное регулирование

процесса доказывания по делам об административных правонарушениях нормами действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который вступил в силу с 1 июля 2002 года» [10, с. 21–22].

Трудно не согласиться с утверждением выше поименованного автора: «Без использования основных положений теории доказывания, а также учета ее специфики становится невозможной научная разработка вопросов, связанных с доказыванием» [11, с. 280].

Результаты научных изысканий, по мнению самого исследователя (А. А. Ветрова), определены как «одно из первых в российском административном праве комплексное исследование проблем доказывания и доказательств в административном процессе» [12, с. 6; 13]. Одним из положений, выработанных поименованным автором, является следующее: «Анализ подходов к понятию доказывания позволяет говорить о юридическом доказывании. Структура юридического доказывания включает в себя определенные элементы, части доказывания. Для уголовного и гражданского процессов характерны общие элементы в структуре доказывания, такие как собирание, проверка и оценка доказательств».

Тем не менее, административно-процессуальное доказывание по своей структуре значительно отличается от уголовно-процессуального и гражданско-процессуального доказывания, так как административный процесс — понятие в структурном отношении более сложное» [12, с. 13].

«Институт доказательств и доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях» не оставлен без внимания группой авторов-единомышленников (С. С. Козлов, А. В. Жуйков и Е. Ю. Хохлова) [14, с. 2, 226–228].

В учебной публикации, определенной ее автором (В. Д. Сорокин) как «первым в отечественном правоведении учебником по административно-процессуальному праву», одна из глав поименована как «Производство по делам об административных правонарушениях» [15, с. 2, 526–555].

Б. Г. Гаприндашвили оперирует термином «административно-процессуальный институт доказательств» («Предметом исследования является совокупность административно-правовых норм, образующих административно-процессуальный институт доказательств, а также тенденции и перспективы развития правового института в современных политико-правовых условиях») [16, с. 7].

Авторы-единомышленники (Б. В. Россинский и Ю. Н. Стариков) в учебной публикации в качестве устоявшегося положения доводят до сведения заинтересованных читателей следующее: «Доказывание — это процесс установления объективной истины по делу, содержанием которого является собирание, исследование, оценка и использование доказательств» [17, с. 758–759].

И. В. Панова определяет место административного судопроизводства в системе судопроизводства, а также использует термин «процессуальное доказывание» («Таким образом, административное судопроизводство

— это не деятельность администрации, а вид российского судопроизводства по рассмотрению административных дел в особом порядке, регламентированном нормами административно-процессуального права»; «Процессуальное доказывание заключается в выявлении (собираении) и процессуальном оформлении, исследовании и оценке доказательств») [18, с. 143, 312].

Положения теории доказательств использует А. В. Иванов при исследовании «спорных налоговых правоотношений» [19].

«Институт доказательств и доказывания» избирается в качестве предмета научного изыскания Т. В. Казиной («Институт доказательств и доказывания занимает центральное место в теории процесса в целом, административного процесса в частности и в производстве по делам об административных правонарушениях в особенности») [20, с. 3].

В наиболее известном учебнике по курсу «Административное право» его авторы (А. П. Алехин и А. А. Кармолицкий) отмечают следующее: «В специальной литературе обсуждение сущности административного процесса ведется вокруг двух наиболее распространенных его концепций: трактовки понятия административного процесса в широком управленческом и узком юрисдикционном смысле. Представляется, что обе эти концепции имеют право на существование: они подтверждаются также действующими нормативными правовыми актами»; «В узком смысле административный процесс — рассмотрение государственными органами споров, возникающих при разрешении индивидуаль-

ных дел, а также применение мер принуждения» [21, с. 410, 411].

Ф. П. Васильев обосновал «теорию двухэтапного подхода к доказыванию» [22, с. 6, 132–139]. В последующем этот же автор обосновал «теорию доказывания по делу об административном правонарушении» [23, с. 10].

Каким же образом разработки ученых — специалистов в области административного и административно-процессуального права учтены в административном законодательстве Российской Федерации?

Ныне в Российской Федерации (с 1 июля 2002 г.) действует Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КРФоАП) от 20 декабря 2001 г. [24].

КРФоАП один из наименее совершенных (в первую очередь, по структуризации) федеральных законов РФ. Чего только стоит двойная нумерация статей, что влечет затруднения при подсчете количества статей в этом нормативном правовом акте. Далее нарушен порядок размещения статей. Относительно доказывания в административном процессе можно выделить раздел III «Судьи, органы, должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях» и раздел IV «Производство по делам об административных правонарушениях». Представляется, что указанные разделы целесообразно объединить в единый раздел — «Доказывание в административном процессе».

Нами не оставлен без внимания и еще один необычный (и по форме, и по содержанию)

нормативный правовой акт, несомненно, подлежащий отнесению к административному законодательству. Речь идет о Федеральном законе РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г. [25], введенном в действие с 15 сентября 2015 г. [26]. Пожалуй, это первый федеральный закон РФ, в наименовании которого использован термин «кодекс». В Российской Федерации все кодексы приравниваются к федеральному закону РФ. Их принятие означает кодификацию определенной отрасли законодательства (гражданское, уголовное и др.). Поэтому предпочтительнее иное наименование Федерального закона РФ от 20 февраля 2015 г. — «Об административном судопроизводстве в Российской Федерации». Это во многом предопределено разграничением понятий «административное судопроизводство» и административное правосудие».

В Федеральном законе РФ от 20 февраля 2015 г. обнаруживаем главу 6 «Доказательства и доказывание» (статьи 59–84). Важность положений статьи 59 Федерального закона РФ от 20 февраля 2015 г. побуждает нас привести ее в полном объеме: «1. Доказательствами по административному делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного

рассмотрения и разрешения административного дела. 2. В качестве доказательств допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, и показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференцсвязи, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов, электронные документы. 3. Доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда».

Анализ положений «гл. 6 Кодекса» Федерального закона РФ от 20 февраля 2015 г. подвигнул И. В. Баранова лишь к следующему «умозаключению»: «...содержащиеся в ней (в главе 6 Федерального закона РФ от 20 февраля 2015 г. — авт.) нормы в целом повторяют ГПК РФ. Вместе с тем нельзя не отметить более логичную структуру и более четкие формулировки, чем в ГПК РФ. В целом понятие «доказательства» фактически не отличается от того, которое дается в ГПК РФ, в качестве родового понятия употребляется термин «сведения о фактах», т. е. материальных доказательствах, а также иные процессуальные и доказательственные факты. В качестве средств доказывания допускаются объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, полученные в том числе путем использования систем видеоконференцсвязи, а также письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов, электронные документы» [27, с. 103].

Изложенное позволяет нам высказать не-

сколько суждений.

1. Основу административно-процессуального доказывания, как одного из видов государственной деятельности, составляет исключительно теория доказывания. Все иные наименования (теория доказательств, теория доказывания и доказательств и др.) представляются несовершенными.

2. Правовая основа доказывания в административном процессе закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КРФоАП) от 20 декабря 2001 г.

3. Федеральный закон РФ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 20 февраля 2015 г. не предназначен для регулирования административно-процессуального доказывания. Иначе говоря, недопустимо отождествление терминов «административное судопроизводство» и «административное правосудие» (всякое административное правосудие является административным судопроизводством, но не всякое административное судопроизводство является административным правосудием).

Примечания

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. N 31. Ст. 4398.

2. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. N 11.

3. Дудаев А. Б. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

4. Дудаев А. Б. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях. Белгород: БЮИ МВД России, 2009.

5. Махина С. Н. Административный процесс (теория, перспективы развития): монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000.

6. Пеков А. А. Доказательства и доказывание по делам об административных правонарушениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 20.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 1. Часть I. Ст. 1; 2017. N 1. Часть I. Ст. 51.

8. О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 20.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 1. Часть I. Ст. 2.

9. Чекалина О. В. Административно-юрисдикционный процесс: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

10. Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административном правонарушении: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

11. Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административном правонарушении: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

12. Ветрова А. А. Доказывание и доказательство в административном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
13. Ветрова А. А. Доказывание и доказательство в административном процессе: монография. Волгоград: Издательство ВолГМУ, 2010.
14. Козлов С. С., Жуйков А. В., Хохлова Е. Ю. Институт доказательства и доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях: монография. Хабаровск: НОУ ВПО «Дальневосточный институт менеджмента, бизнеса и права», 2006.
15. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
16. Гаприндашвили Б. Г. Доказательства в административном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
17. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009.
18. Панова И. В. Административно-процессуальное право России. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
19. Иванов А. В. Доказательства на стадии досудебного урегулирования спорных налоговых правоотношений: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
20. Казина Т. В. Доказательства и доказывание в производстве об административных правонарушениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
21. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М., 2013.
22. Васильев Ф. П. Доказывание на стадии возбуждения дела об административном правонарушении: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
23. Васильев Ф. П. Доказывание по делу об административных правонарушениях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
24. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 1. Часть I. Ст. 1; 2016. N 7. Ст. 918.
25. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. N 10. Ст. 1391; N 27. Ст. 3981; 2016. N 1. Часть I. Ст. 45.
26. О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: ФЗ РФ от 20.02.2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. N 10. Ст. 1392.
27. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации. М.: Проспект, 2016.

УДК 34

Теория доказывания в Российской Федерации: соотношение уголовного процесса и криминалистики

Штыкова Наталья Николаевна, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат юридических наук, доцент

logos-tur@yandex.ru

Аннотация: Рецензия на монографию под редакцией Галузо В. Н.: Доказывание в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах Российской Федерации (теория и правоприменительная практика). 3-е издание, исправленное и дополненное. Москва: ТЕИС, 2016. **Ключевые слова:** Российская Федерация, Конституция РФ, судопроизводство, административное судопроизводство, процессуальное доказывание, административный процесс, доказывание.

Уголовно-процессуальное доказывание соотнесено с иными видами процессуального доказывания — гражданско-процессуальным, арбитражно-процессуальным и административно-процессуальным, а также с процессуальным производством Конституционного суда РФ.

Речь идет о монографии «Доказывание

в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах Российской Федерации (теория и правоприменительная практика)» (3-е издание), написанной под редакцией В. Н. Галузо и опубликованной издательством «ТЕИС» в 2016 г.

Структурно монография состоит из трех разделов, два из которых — из нескольких

UDC 34

Theory of evidence in the Russian Federation: the ratio of the criminal process and criminalistics

Shtykova Natal'ya Nikolaevna, head of the department of civil law disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (law), associate professor

logos-tur@yandex.ru

Annotation: The review of the monograph under the editorial office Galuzo V. N.: Proof in criminal, civil, arbitration and administrative processes of the Russian Federation (the theory and law-enforcement practice). 3-rd edition, corrected and added. Moscow: TEIS, 2016.

Keywords: Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, legal proceedings, administrative legal proceedings, procedural proof, administrative process, proof.

глав. Кроме разделов, работа имеет несколько рубрик, таких как: «Алфавитно-предметный указатель», «Послесловие», «Заключение», «Литература».

Раздел I «Основные положения» включает всего одну главу, имеющую наименование «Сущность процессуального доказывания». В ней говорится о том, что процессуальное доказывание осуществляется при производстве четырех видов судопроизводства: уголовном, гражданском, арбитражном и административном. Процессуальное доказывание, по мне-

нию авторов, не осуществляется лишь при конституционном судопроизводстве.

Кроме того, в этой главе, уголовно-процессуальное доказывание соотносится с гражданско-процессуальным, арбитражно-процессуальным и административно-процессуальным доказыванием.

Раздел II монографии имеет наименование «Доказывание в уголовном-процессе». Он состоит из 4-х глав (2–5) и раскрывает: «Теорию доказывания в уголовном процессе», «Цель, предмет и пределы доказывания

в уголовном процессе», «Уголовно-процессуальное доказывание как вид государственной деятельности» и «Доказательства (средства доказывания) в уголовном процессе». Этот раздел является основным, так как в нем представлены результаты многолетнего научного труда группы авторов под руководством В. Н. Галузо.

Раздел III «Доказывание в гражданском, арбитражном и административном процессах» состоит из 3-х глав: «Доказывание в гражданском процессе», «Доказывание в арбитражном процессе» и «Доказывание в административном процессе». В нем в основном осуществлен анализ юридической литературы и законодательства относительно разновидностей процессуального доказывания. Помимо критического анализа юридической литературы и законодательства, авторский коллектив высказали ряд суждений и предложений по совершенствованию законодательства РФ. Таким образом, относительно доказывания в гражданском процессе, авторский коллектив приводит следующие суждения: «Основу гражданско-процессуального доказывания в РФ, как одного из видов государственной деятельности, составляет исключительно теория доказывания. Все иные наименования (теория доказательств, теория доказательств и доказывание) представляются несовершенными. В связи с этим, наименование главы 6 ГПК РФ должно быть видоизменено: вместо наименования «Доказательства и доказывание» использовать исключительно наименование «Доказывание». По их мнению, в корректировке нуждаются и

отдельные статьи гл. 6 ГПК РФ: «Анализ положений статьи 55 ГПК РФ позволяет выделить пять существенных признаков понятия «доказательство»:

- это любые сведения о фактах;
- это сведения, имеющие значение для гражданского дела;
- это сведения, полученные из источников, предусмотренных ФЗ РФ;
- это сведения, полученные в порядке, предусмотренном федеральным законом РФ;
- это сведения, имеющие определенный процессуальный носитель.

Определен исчерпывающий перечень доказательств в гражданском процессе: объяснения сторон; объяснения третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи; заключение эксперта. Положения абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ детализированы в статьях 68, 69, 71, 73, 77, 86 ГПК РФ».

В рубрике «Заключение» можно заметить четкость и ясность авторских положений.

Рубрика «Литература» включает 3 параграфа, имеющие наименование: «Публикации, используемые при подготовке монографии»; «Перечень публикаций Р. Х. Якупова и В. Н. Галузо», «Рецензии на публикации Р. Х. Якупова и В. Н. Галузо».

В рубрике «Послесловие» отражена цель опубликования монографии, которая заключается в создании альтернативы известнейшей публикации группы советских ученых «Теория доказательств в советском уголовном процессе» и тем самым восстановить приори-

тет результатов научных изысканий представителей уголовно-процессуальной науки перед таковыми же представителями криминалистической науки. Иначе говоря, речь идет об обеспечении соотношения «стратегия-тактика» между уголовным процессом и криминалистикой.

Особую ценность представляет рубрика «Приложения», в которую включено 31 приложение. В приложении XXVII «Виды доказательств в гражданском процессе по источникам фактических данных», авторский коллектив обнаружил противоречие между положениями абз. 2 ч. 1 ст. 55 и ст. 69 ГПК РФ, а также высказали предложение о разрешении данного противоречия.

Таким образом, авторский коллектив подробно рассмотрел доказывание в уголовном, гражданском, арбитражном, а также административном процессах. Выдвинул обоснованные предложения по совершенствованию законодательства.

УДК 371.398

Образовательная среда как средство формирования профессионально-этической культуры сотрудников внутренних дел в условиях дополнительного профессионального образования

Вызулин Евгений Александрович, старший преподаватель
кафедры административной деятельности органов внутренних
дел Нижегородской академии МВД России

0512e@mail.ru

Аннотация: В статье определяются компоненты образовательной среды, оказывающие влияние на формирование профессионально-этической культуры сотрудников органов внутренних дел в условиях ведомственного дополнительного профессионального образования. **Ключевые слова:** дополнительное профессиональное образование, профессионально-этическая культура, образовательная среда, сотрудник органов внутренних дел, компоненты.

В современных условиях при смене парадигм образования, на основе обращения к общечеловеческим ценностям и национальным гуманистическим традициям, педагогическая наука и практика переходят от универсальной государственно-ориентированной системы образования к вариативным моделям образования.

Дополнительное профессиональное образование становится продолжением формирования, воспитания и обучения личности, неотъемлемой частью духовно-нравственного, интеллектуального и физического развития, сферой культуры, досуга, а главное — составляющей непрерывного образования. Ценностное основание дополнительного про-

UDC 371.398

Educational environment as a means of formation of professional and ethical culture of employees of internal affairs in conditions of additional vocational education

Vyzulin Evgeniy Aleksandrovich, senior lecturer of the department of administrative activities of the bodies of internal affairs of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia

0512e@mail.ru

Annotation: The article defines the components of the educational environment influencing the formation of professional and ethical culture of employees of internal Affairs bodies in terms of the departmental continuing professional education. **Keywords:** additional professional education, professional end ethical culture, educational environment, personnel of agencies of internal affairs, components.

фессионального образования состоит в его закономерности являться полноправной составляющей единого социального и образовательного пространства, усиливать влияние общей системы образования на личностное развитие.

Основной идеей в теории формирования дополнительного профессионального образования является свободный выбор и право

на его осуществление в личном образовании.

Система дополнительного профессионального образования при широком спектре образовательных услуг основывается на социальном заказе общества, удовлетворяет растущие индивидуальные образовательные потребности личности, обеспечивает самодостаточность и конкурентоспособность формирующегося сотрудника органов внутренних дел, проявляю-

щего творческую инициативу, способность к инициативному поиску новых способов действий, стремящегося к самореализации и самовыражению.

Образовательная среда отражает взаимосвязанные условия, обеспечивающие воспитание и обучение. В образовательной среде, осуществляется взаимовлияние, взаимодействие окружения с субъектом формирования, воспитания и развития личности, которое происходит в заданных средовых условиях, при этом под влиянием педагогической деятельности среда меняется, как меняется и сам обучающийся. Взаимовлияние, взаимодействие обучающегося с образовательной средой предстает как создание гуманитарного образовательного пространства.

Образовательная среда образовательной организации высшего образования системы МВД России становится средством формирования профессионально-этической культуры сотрудника органов внутренних дел, если:

— содержание специализированных дисциплин имеет функциональное, содержательное и практико-ориентированное выражение;

— формы и методы педагогической деятельности понятные, логически обоснованные и применимые в оперативно-служебной деятельности;

— отношения между субъектами педагогической системы построены на принципах демократичности, воспитания, обучения и развития.

Образовательная среда создает атмосферу, духовность, комфортность к которым об-

учающийся сотрудник органов внутренних дел стремится. Одновременно — это процесс самоопределения обучающегося, а также профессионального становления, процесс формирования профессионально-этической культуры.

По мнению К. Ю. Калининой, поддержанному Е. Е. Мерзон, в образовательном пространстве выделяют компоненты [2]:

— психодидактический (содержание, формы и методы деятельности);

— социальный (отношения, возникающие между субъектами);

— пространственно-предметный (возможности для организации деятельности и развития обучающихся, обеспечиваемые предметной средой) [1].

Таким образом, по нашему мнению, образовательная среда образовательной организации высшего образования системы МВД РФ состоит из следующих компонентов:

1) внутренняя направленность, определение ценностей и задач;

2) инновационные образовательные технологии, психологический климат;

3) дифференцированность представлений преподавателей;

4) мотивированная организация передачи знаний.

При формировании каждого из представленных компонентов в образовательной организации высшего образования системы МВД РФ, у обучающихся формируется профессионально-этическая культура сотрудника органов внутренних дел [3].

Профессионально-этическая культура со-

трудника органов внутренних дел зависит от многочисленных факторов (качество учебных программ, качество методического обеспечения учебного процесса, качество управления образовательной организацией). Образовательные организации высшего образования системы МВД РФ должны обладать такой образовательной средой, которая стала бы эффективным механизмом профессионального становления сотрудника органов внутренних дел. Потенциал образовательной среды образовательной организации высшего образования системы МВД РФ должен направить обучающегося в русло его профессионально-этического становления [4].

Образовательная среда — это целостная качественная характеристика образовательной организации, которая:

- определяется задачами, которые образовательная организация ставит и решает в своей деятельности;

- проявляется в выборе средств, с помощью которых задачи решаются;

- оценивается по эффекту в личностном, социальном, интеллектуальном и культурном воспитании, обучении и развитии сотрудников органов внутренних дел, которых она позволяет достичь.

Образовательная среда система влияний и условий формирования личности по заданному лекалу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и предметно-пространственном окружении.

Образовательная среда образовательной организации как целостная качественная характеристика не может быть оценена только

количественными показателями. В понятии «образовательная среда» мы выделим три основных аспекта характеризующих ее.

Первый — результативный. Главным результатом воздействия образовательной среды является развитие. Речь идет не только о развитии интеллектуальных способностей, но также и о влиянии образовательной среды на особенности социального и индивидуального личностного развития.

Второй — процессуальный. Определяет средства, которыми достигается развитие. Средства могут быть разнообразными, охватывающими все стороны жизни.

Третий — целевой. Позволяет определить характеристики образовательной организации. На решение, каких задач направлены ее усилия, время и средства.

Таким образом, образовательная среда формирования профессионально-этической культуры сотрудника органов внутренних дел это педагогически организованная микросреда, обладающая высоким уровнем развития профессионально-этической культуры образовательной организации, гибкой динамикой развития, предоставляющая большие возможности воздействия на моральную мотивацию сотрудника, его духовно-нравственную составляющую.

Примечания

1. Калинина К. Ю. Значение традиции для диагностики образовательной среды школы //

Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2006. N 3. С. 107–122.

2. Мерзон Е. Е. Образовательная среда как фактор формирования профессиональной компетентности студентов педагогического вуза // Молодой ученый. 2011. N 10. Т. 2. С. 170–172.

3. Мухина Т. Г., Вызулин Е. А. Формирование профессионально-этической культуры сотрудников органов внутренних дел в системе дополнительного профессионального образования // Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов / под общей редакцией проф. Э. Г. Скибицкого. Новосибирск: САФБД, 2016. С. 261–264.

4. Мухина Т. Г., Вызулин Е. А. Историко-педагогический аспект изучения проблемы формирования профессионально-этической культуры у курсантов МВД // Великие реки 2016: труды научного конгресса 18-го международного научно-промышленного форума: в 3-х томах / отв. ред. А. А. Лапшин. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. Т. 2. С. 341–344.

УДК 34

Органы местного самоуправления в городах II половины XIX в.: исторический анализ

Попова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат исторических наук
verav25@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям формирования и деятельности органов местного самоуправления в городах России второй половины XIX в. Рассмотрена система органов самоуправления, создаваемая согласно Городовому положению 1870 г. Особое внимание уделено изучению организационных и правовых основ выборов в местные органы власти. **Ключевые слова:** органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, выборы, избиратели.

В последние годы весьма актуальной является проблема реформирования органов местного самоуправления. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе выступления на заседании Совета по развитию местного самоуправления: «если в историческом аспекте посмотреть, то сегодня, так же, как и в 1864 году, когда была проведена знаменитая земская реформа, преобразования на местном уровне власти давно назрели» [1]. В этих условиях интерес-

ным и полезным становится изучение опыта России II половины XIX в., когда полномочия городского самоуправления медленно, но последовательно увеличивались, а сами города учились отстаивать свои интересы перед губернской и центральной властью.

Принятое в 1870 г. Городовое положение впервые закрепило всесословный принцип формирования органов общественного управления.

Создаваемые в городах органы управле-

UDC 34

Local authorities in cities of the second half of the XIX century: a historical analysis

Popova Vera Vladimirovna, seniore lecturer of the department of criminal law disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (history)

verav25@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the peculiarities of the formation and activities of local authorities in the cities of Russia in the second half of XIX century. The system of self-government created in accordance with city regulations in 1870. Special attention is paid to the institutional and legal foundations of the elections to local authorities. **Keywords:** local government, city council, city council elections, voters.

ния состояли из городского головы, городской думы, которая была представительным органом, городской управы, выполнявшей функции исполнительного органа и городского избирательного собрания в которое входили все жители города, наделенные избирательным правом. Избирательное собрание выбирало из своего состава гласных городской думы, а затем гласные избирали членов городской управы. Гласные городских дум избирались сроком на четыре года, соответственно раз в четыре года собирались городские избирательные собрания.

Избирательным правом обладали лица мужского пола, достигшие 25 лет, владевшие недвижимостью, подлежащей обложению городским налогом, или платившие сборы с установленных законом свидетельств (купеческого, промыслового, свидетельства на мелочный торг, приказчицкого свидетельства первого разряда и с билета на содержание промышленных заведений). В качестве обязательного требования было закреплено отсутствие у избирателя недоимок по налогам и сборам, уплачиваемым в пользу города. Лица, достигшие 21 года («гражданского со-

вершеннолетия»), и женщины, соответствовавшие перечисленным требованиям, могли участвовать в выборах через уполномоченных доверителей. Избирательными правами пользовались и юридические лица. Ст. 21 Городового положения предоставила право участия в выборах монастырям, товариществам, акционерным обществам, компаниям и учреждениям, в собственности которых находилась недвижимость, расположенная в черте города, либо осуществлявшим торговлю и промыслы, с которых уплачивались налоги в пользу города. От имени организаций в выборах участвовали их представители на основании доверенности. Лица, участвовавшие в выборах в качестве представителей, опекунов и попечителей должны были соответствовать требованиям, установленным законом для избирателей.

Поскольку минимальный имущественный ценз не был законодательно установлен, избирателями признавались все домовладельцы, «даже не платившие оценочного сбора по причине малоценности своего имущества». При этом горожане, не имевшие в собственности недвижимость и снимавшие квартиру, оказались лишены избирательного права. Следует учесть, что к этой категории относилось большое число людей с высшим образованием, учителя, врачи, либеральные профессора, чиновники. Не могли принимать участие в выборах лица, лишенные или ограниченные приговором суда прав состояния, находившиеся под следствием, лишенные духовного звания или сана, признанные не состоятельными, а также имевшие недоимки

по сборам в пользу города. Отстранялись от участия в выборах и чины местной полиции. По замыслу законодателя они были лишены возможности оказывать давление на результаты голосования и выступали в качестве беспристрастных наблюдателей за порядком в процессе проведения выборов.

Городовое положение закрепило трехразрядную систему выборов, которая действовала следующим образом. Получаемая городом сумма прямых доходов делилась на три равные части. Составлялся список плательщиков в порядке убывания уплачиваемых ими сборов. Таким образом, несколько наиболее крупных плательщиков, на долю которых приходилась первая треть налогов, составляли первый разряд избирателей. Второй разряд включал следовавших далее по списку более мелких плательщиков, уплачивающих вместе вторую треть, и потому был более многочисленным. Остальные избиратели составляли третий разряд. В результате небольшая группа наиболее состоятельных горожан, отнесенных к первому разряду, выбирала столько же гласных, сколько и основная часть избирателей. Такая система позволяла ограничить возможность малоимущих слоев городского населения влиять на состав представительных органов.

Количество гласных определялось исходя из данных о числе избирателей. При этом на первых 300 избирателей приходилось 30 гласных, а затем на каждых 150 избирателей по 6 гласных. Максимальное количество гласных в уездных городах не должно было превышать 72 человека.

Законом допускалось выдвижение кандидатов как по собственной инициативе, так и по предложению других лиц. В результате в выборах принимало участие большое количество претендентов, что делало процедуру голосования и подсчета голосов длительной и трудоемкой. Поскольку допускалась баллотировка не только по собственной инициативе лица, но и по инициативе других избирателей, на практике возникали ситуации, когда в качестве кандидата выдвигалось лицо, не знавшее о своем участии в выборах.

Избиратели могли пользоваться двумя голосами: своим и по доверенности. Процесс засвидетельствования доверенностей имел свою особенность, которая объяснялась проблемой неграмотности существенной части населения Российской империи. Проблема эта касалась не только низших слоев населения (крестьянства, мещан), но и значительной части купечества, особенно в мелких уездных городах. Поэтому большинство оформляемых доверенностей составлялось посторонними лицами, что открывало возможности для многочисленных нарушений выборной процедуры. Сенатом неоднократно предпринимались попытки установить требования к содержанию и форме доверенностей на право участия в выборах. Так, 11 февраля 1881 г. было принято положение о необходимости наличия в доверенности подписи, сделанной доверителем собственноручно. Также доверитель должен был вписать в текст документа полное имя лица, на имя которого доверенность выдавалась. Изначально это положение касалось выборов в земства, од-

нако применялось и при избрании в органы городского самоуправления. В 1887 г. разъяснениями Сената было подтверждено, что доверенность могла быть признана подлинной только при соблюдении вышеперечисленных требований. Факт подлинности доверенности свидетельствовала городская управа. После принятия разъяснений Сената на каждой доверенности стали делаться удостоверяющие записи за подписью городского головы и двух членов управы. Подлинность доверенности подтверждалась и печатью городской управы. Также в обязанности управы входило заверение того, что подпись сделана доверителем собственноручно. Однако по причине низкого уровня грамотности населения многие избиратели не могли даже самостоятельно подписать доверенность. Поэтому на практике нередко заверялись и подписи, сделанные за доверителя посторонними лицами.

Таким образом, первое время после введения в действие нового законодательства органы местного самоуправления испытывали затруднения, которые объяснялись особенностям состава населения уездных городов Нижегородской губернии.

Выборы осуществлялись в ходе тайного голосования, которое проводилось с использованием баллотировочных шаров. Избиратели выбирали не одного кандидата из представленного списка, а голосовали «за» или «против» каждого претендента. Процесс выборов («баллотировка») происходил следующим образом. Для голосования по каждому кандидату предназначался специальный ящик. Избиратель опускал баллотировочный

шар в правое отделение, голосуя «за», либо в левое — голосуя «против». Такая процедура повторялась в отношении каждого избирающегося.

Выборы признавались состоявшимися, если количество избирателей, принявших участие в голосовании, превышало количество подлежащих избранию гласных. Избранными считались лица, набравшие более половины голосов, то есть кандидаты, у которых количество избирательных шаров превысило количество неизбирательных. Если в отношении одного или нескольких лиц количество голосов «за» и «против» оказывалось одинаковым, персонально по их кандидатурам назначались перевыборы. Если количество получивших абсолютное большинство голосов не составляло полного комплекта гласных, назначались дополнительные выборы. К повторной баллотировке допускались лица, набравшие наибольшее после избранных количество голосов. В этом случае получение абсолютного большинства уже не было обязательным.

Полномочия исполнительного органа были возложены на городскую управу, которая непосредственно занималась решением вопросов местного значения на основании законодательных актов и в соответствии с указаниями городской думы. Члены управы избирались думой сроком на четыре года. Каждые два года происходило переизбрание 1/2 ее состава, при этом допускалось повторное избрание на следующий срок. Размер жалования членам управы определялся городской думой, исходя из возможностей

местного бюджета. Управа была подотчетна в своих делах перед думой, без разрешения которой не могла расходовать денежные средства.

Сформированная в результате реформ система выборов в органы местного самоуправления имела как положительные, так и отрицательные черты. К положительным следует отнести, в первую очередь, то, что существовавшая ранее сословная система городского самоуправления уступила место системе, основанной на принципе всеобщности. Также в качестве положительного момента следует назвать возможность участия в выборах широкого круга городских жителей.

Основные недостатки избирательной системы сводились к следующему. Многие городские жители оказались лишенными избирательного права: чиновники, лица «либеральных профессий», рабочие, не имевшие недвижимости и, в основном, проживавшие на съемных квартирах.

В списке избирателей ориентироваться было трудно, так как он был составлен не в алфавитном порядке, а по нисходящей сумме уплачиваемых налогов, причем от руки и в единственном экземпляре.

Процедура выдвижения кандидатов в гласные в Положении оговорена не была, поэтому любой избиратель мог предложить неограниченное число кандидатур. В результате количество кандидатов было непомерным, их отбор занимал массу времени. Персонального обсуждения выдвигаемых кандидатур не проводилось, предвыборная агитация отсутствовала. Нередко список состоял из неизвестных

и малоизвестных людей, и избирателю приходилось голосовать «вслепую». Голосование по доверенности вело к распространению перепоручения избирательного права, что давало свободу для злоупотреблений.

Одним из наиболее существенных недочетов избирательной системы стало разделение избирателей на разряды по имущественному признаку, причем лица, относящиеся к разным разрядам, были поставлены в неравное положение. Несмотря на большую численную разницу, каждый разряд выбирал равное количество гласных. В результате наиболее обеспеченные горожане получали большие возможности участвовать в местном самоуправлении.

Причинами низкой активности избирателей были как правовая неграмотность большей части населения, так и отсутствие у них стимула принимать участие в общественной деятельности. Многие горожане, наделенные избирательным правом, не были знакомы с законодательством. Они не воспринимали возможность участвовать в деятельности общественного управления как одно из своих важнейших прав. При этом никакой разъяснительной работы по вопросам значимости выборов среди городских обывателей не проводилось. Власти ограничивались лишь информированием населения о дате предстоящих выборов и списках избирателей. Одной из серьезных проблем была низкая грамотность населения. В результате горожане, которым законом было предоставлено избирательное право, оказывались не в состоянии не только лично участвовать в выборах, но

даже надлежащим образом оформить доверенность, что делало возможным различные злоупотребления и нарушения процедуры голосования.

Не способствовала участию в общественной деятельности и недоработанная система проведения выборов. Поскольку процедура голосования и подсчет избирательных баллов происходил в обязательном присутствии всех выборщиков, это занимало много времени, что было крайне неудобно для горожан, имевших свое дело. Участие в голосовании могло повлечь для них значительные убытки, которые материально никак не компенсировались. Много времени отнимала и деятельность на должностях общественного управления. При этом самостоятельность была ограничена, а ответственность достаточно серьезна. В результате члены городских дум и управ достаточно часто добровольно слагали с себя полномочия, ссылаясь на занятость и невозможность совмещать профессиональные занятия с общественной службой.

Таким образом, с самого начала функционирования новых органов городского самоуправления было видно, что в положениях закона присутствовали такие недоработки, которые побуждали граждан уклоняться от службы.

Примечания

1. Заседание Совета при Президенте по развитию местного самоуправления. URL: <http://www.>

putin-today.ru/archives/3653 (дата обращения: 25.08.2014).

2. Баженова Л. Е. Городовое положение 1892 г. и его введение в Н. Новгороде // Труды Горьковской школы МВД СССР. 1975. Вып. 4. С. 41–48.

3. Байдакова Н. Н. Введение Городового Положения 1870 г. в Н. Новгороде и выборы в Нижегородскую городскую думу (1870–1890 гг.) // Ученые записки Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского. 1969. Вып. 105: Серия гуманитарные науки. С. 73–78.

4. Мустафин И. Р. Организация и проведение выборов в городские думы уездных городов (по материалам Нижегородской губернии) // Ученые записки ВВАГС. Н. Новгород: ВВАГС, 2007. Т. 7. С. 132–133.

5. Мустафин И. Р. Организация и деятельность органов местного самоуправления уездных городов Нижегородской губернии во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2010. 47 с.

6. Попова В. В. Трансформация городского самоуправления и его сословного состава в Нижегородской губернии (по Положениям 1870 и 1892 гг.) // Власть. 2010. N 10. С. 115–118.

7. Пудалов Б. М. Из истории взаимоотношений органов государственного управления и самоуправления в Нижегородской губернии // Проблемы социального управления: методология, теория, практика: материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород: Издательство ВВАГС, 1998. С. 105–106.

УДК 342.9

Понятие и признаки административной ответственности за нарушение интеллектуальных прав

Кулаков Николай Андреевич, старший преподаватель
кафедры административной деятельности органов внутренних
дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат
юридических наук

2-kvadrat@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются понятие и признаки административной ответственности, как одного из способов защиты за нарушение интеллектуальных прав. **Ключевые слова:** административная ответственность, административное правонарушение, интеллектуальная собственность, интеллектуальные права.

В современных условиях формирования постиндустриального общества интеллектуально-творческая деятельность становится одним из главных факторов общественного развития. Правовая охрана интеллектуальной собственности обусловлена не только частными интересами авторов и правообладателей, но, не в меньшей степени, и общественными и государственными интересами. В связи с этим, наряду с частноправовыми методами, в области охраны интеллектуальной собственности применяются и методы пу-

блично-правового характера. Все более очевидным становится то, что в отрыве от норм других отраслей гражданско-правовые механизмы не в состоянии обеспечить необходимую правовую основу для решения многообразных проблем в области интеллектуальной собственности [1]. Об актуальности применения мер публично-правового характера неоднократно высказывались многие специалисты в области охраны интеллектуальной собственности [2].

Административная ответственность за на-

UDC 342.9

Concept and signs of administrative liability of infringement of the intellectual rights

Kulakov Nikolay Andreevich, senior lecturer of the department of administrative activity of law-enforcement bodies of St. Petersburg University of the Ministry of internal affairs of Russia, candidate of sciences (law)

2-kvadrat@mail.ru

Annotation: In the article the concept and signs of administrative responsibility, as one of ways of protection for infringement of the intellectual rights are considered. **Keywords:** administrative responsibility, administrative offence, intellectual property, intellectual rights.

рушение некоторых видов интеллектуальных прав установлена в ст. 7.12 КоАП РФ. Кроме того, ст. 14.10 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение прав на средства индивидуализации товаров, которые согласно гражданскому законодательству приравниваются к интеллектуальным. Таким образом, действующее законодательство позволяет вести речь об административной ответственности в области законодательства об интеллектуальной собственности.

Как известно, КоАП РФ не содержит легального определения административной ответственности. Отсутствовала данная дефиниция

и советский период развития законодательства об административных правонарушениях. При этом наука административного права выработала значительное число доктринальных определений анализируемого правового института. Одно из первых в отечественной науке определений административной ответственности сформулировано И. А. Галаганом: «административная ответственность — применение в установленном порядке уполномоченными на то органами и должностными лицами административных взысканий, сформулированных в санкциях административно-правовых норм, к виновным в совершении административных проступков, содержащих

государственное и общественное осуждение, порицание их личности и противоправного деяния, выражающихся в отрицательных для них последствиях, которые они обязаны исполнить, и преследующих цели их наказания, исправления и перевоспитания» [3].

По мнению Д. Н. Бахраха «под административной ответственностью понимается применение, реализация административных взысканий за административные правонарушения субъектами функциональной власти на основе и в порядке, установленном административным правом» [4].

Как отмечает Б. В. Россинский, «административная ответственность — это вид юридической ответственности, который выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему административное правонарушение [5]. Близкие по смыслу определения сформулированы и многим другими специалистами в области административного права [6].

Г. А. Кузьмичева указывает, что под административной ответственностью как видом юридической ответственности следует понимать способность лица в связи с совершением административного правонарушения претерпеть неблагоприятные последствия личного или имущественного характера, предусмотренные административно-правовой нормой и выраженные в виде административного наказания [7].

Административная ответственность, таким образом, явление, имеющее двойствен-

ную природу: с одной стороны это мера воздействия, применяемая государством в отношении лиц, совершивших административно-правовой деликт, а с другой стороны — способность правонарушителя претерпевать негативные последствия за совершенное им правонарушение. При этом, не в одном из приведенных выше определений, административная ответственность не рассматривается в качестве способа защиты нарушенных прав и законных интересов. Вместе с тем, административную ответственность, как применяемую государством меру воздействия на общественные отношения, следует рассматривать в качестве способа правовой защиты. Аргументируя обозначенную позицию, обратимся к теории права и рассмотрим понятие «правовая защита».

С. С. Алексеев рассматривает защиту права в качестве государственно-принудительной деятельности, направленной на восстановление нарушенного права, обеспечение юридической обязанности [8]. По мнению Л. С. Малеина, правовая защита включает в себя меры, предусмотренные на случай нарушения права [9]. К. Ф. Гуценко отмечает, что защита предполагает непосредственную реализацию охранительных норм посредством действительной работы соответствующих государственных органов и структур и в более широком понимании предполагает как раз реализацию конкретных средств, приемов, установление порядка и способов внедрения охранительных норм при непосредственном нарушении прав [10]. С точки зрения этимологии «защиту» следует рассматривать как

«активную» форму «охраны» прав. В слове С. И. Ожегова защищать значит охраняя, оградить от посягательств, враждебных действий, от опасности [11]. Следовательно, защита — действия, направленные на ограждение охраняемого объекта от конкретной угрозы.

Таким образом, по нашему мнению в качестве еще одного признака административной ответственности следует выделять следующий признак: административная ответственность — есть способ правовой защиты нарушенных прав и законных интересов граждан, иных благ, охраняемых государством. Обособление данного признака имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение для защиты интеллектуальных прав.

Дело в том, что большинство правообладателей (субъектов авторских, патентных прав, прав на средства индивидуализации) не считают обращение в правоохранительные органы с просьбой о привлечении виновных к административной ответственности по ст. 7.12 КоАП РФ эффективной мерой. Проведенное нами социологическое исследование показало, что в случае нарушения интеллектуальных прав, правообладатели предпочитают защищать свои права в гражданско-правовом порядке [12]. Вместе с тем, административная ответственность обладает рядом преимуществ по сравнению с иными способами защиты прав (в частности гражданско-правовым и уголовно-правовым). К числу таких преимуществ относятся:

— оперативность и относительно простую процессуальную форму;

— применение органами юрисдикции активных мер, направленных на пресечение административного правонарушения, доказывание и привлечение виновных к административной ответственности (в отличие от гражданско-процессуального порядка защиты прав, когда бремя доказывания вины ответчика ложится на истца);

— возможность использования результатов применения мер административного принуждения, документированных в установленном порядке, в качестве доказательств для дальнейшего разбирательства и защиты интеллектуальных прав в гражданско-правовом порядке.

Отметим, что перечисленные преимущества административной ответственности справедливы и по отношению к административной ответственности за нарушения в иных областях общественных отношений. Доктринальное (а впоследствии, возможно, и легальное) обособление защитной функции административной ответственности в качестве ее самостоятельного признака на наш взгляд будет способствовать восприятию участниками общественных отношений административной ответственности не просто как совокупности действий государственных органов по назначению административного наказания, а как способа защиты нарушенных прав. Примечательно, что в истории российского законодательства имеют место примеры, когда административная ответственность закреплялась в качестве одного из способов защиты интеллектуальных прав (Закон РФ от 23 сентября 1992 г. N 3520-1 «О товарных зна-

ках»; Закон РФ от 09 июля 1993 г. N 5351-1 «Об авторских и смежных правах»).

Подводя итог, отметим, что в качестве признака административной ответственности следует выделять следующий признак: административная ответственность — это один из способов правовой защиты нарушенных прав и законных интересов граждан, иных благ, охраняемых государством. Под административной ответственностью в области законодательства об интеллектуальной собственности следует понимать один из способов правовой защиты интеллектуальных прав, заключающийся в применении в установленном порядке уполномоченными государственными органами предусмотренных законодательством административных наказаний за совершение административных правонарушений, посягающих на интеллектуальные права, с целью предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами.

В завершении отметим, что дискуссия относительно понятия и содержания административной ответственности, безусловно, должна быть продолжена. В этой связи следует согласиться с профессором В. В. Денисенко: «административная ответственность, будучи динамично развивающимся социально-правовым феноменом, еще долго будет в центре внимания исследователей. По крайней мере, о себе не могу сказать, что могу дать удовлетворяющий всех ответ на вопрос, что такое административная ответственность» [13].

Примечания

1. Близнец И. А. Право интеллектуальной собственности: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
2. Акимова Н. В. К вопросу об эффективности административно-правовых мер противодействия правонарушениям в области интеллектуальной собственности // Административное и муниципальное право. 2014. N 2; Клейменова М. О. К вопросу об административно-правовом регулировании защиты исключительного права на средства индивидуализации // Административное и муниципальное право. 2014. N 11.
3. Галаган И. А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву. Воронеж, 1970.
4. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989.
5. Административное право России: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 4-е изд., пересмотр, и доп. М.: Норма, 2009.
6. См., например: Попов Л. Л. Административное право: учебное пособие. М.: 2009; Панкова О. В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях: научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Салищевой. М., 2009; Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010; Овсянко Д. М. Административное право: учебное пособие. М., 2000; Конин Н. М. Боль-

шой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009.

7. Административное право: учебник / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. М.: Норма, 2009.

8. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981.

9. См.: Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985.

10. Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов. М., 2007.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. А. Шведова. М., 1993.

12. См. подробнее: Кулаков Н. А. Административно-правовая охрана патентных прав в Российской Федерации: монография / Н. М. Тюкалова, Н. А. Кулаков. Хабаровск, 2016.

13. Денисенко В. В. Административная ответственность сквозь призму философско-правовых воззрений // Актуальные вопросы публичного права. 2012. N 7.

УДК 34

Юридическая наука на рубеже XIX–XX вв.: вопросы методологии

Фролова Елизавета Александровна, профессор кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

frolova.msu@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические проблемы юридической науки на рубеже XIX–XX веков. Показываются аспекты разграничения «наук о природе» и «наук о культуре» в неокантианской философии права; классификации юридических наук.

Ключевые слова: философия права, методология права, юридическая наука, теория права, Б. А. Кистяковский.

На рубеже XIX–XX вв. в научной литературе уделялось большое внимание методологическим вопросам. Признавалась эта материя важной и для социальных наук, к которым относится юриспруденция. Для философов и теоретиков права наибольший интерес представляла тема классификации юридических наук, что, в свою очередь, затрагивало проблему более общего характера — проблему классификации наук вообще, т. е. систематизацию человеческого знания, отражающую в себе понимание мировых явлений. От ответа на этот вопрос зависит структурирование юридического знания, понимание систе-

мы права, ориентиры в области правового бытия. В рамках исследования данной темы требовалось уяснить, к какому высшему, более общему классу явлений относится право, какие есть другие виды того же рода, с какими науками правоведение находится в отношении логического соседства, соподчинения, каковы границы между ними [5, с. 26; 4, с. 3].

Значительный вклад в постановку и решение этих задач было внесено методологией неокантианства. Представители этой философии подклассификацией наук понимали систематизацию знания, «наукопорядок», отража-

UDC 34

Law science at the turn of XIX–XX centuries: methodology questions

Frolova Elizaveta Aleksandrovna, professor of the department of theory of state and law and political science of Lomonosov Moscow State University, doctor of sciences (law)

frolova.msu@mail.ru

Annotation: The article deals with the methodological problems of jurisprudence at the turn of XIX–XX centuries. Shows aspects of differentiation «sciences of nature» and «sciences of culture» in the neo-Kantian philosophy of law; classification of legal sciences. **Keywords:** philosophy of law, methodology of law, jurisprudence, theory of law, Kistyakovsky.

ющий в сознании человека видение мирового порядка. С помощью образования научных понятий создается система человеческого знания — определяется надлежащее расположение и отношение друг к другу знаний в пределах отдельных наук и разных дисциплин. В методологическом плане проблема классификации наук получила новый импульс для исследований благодаря работам В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

Представителями баденской школы неокантианства было предложено деление наук на науки о природе (отвлечение от культурных ценностей) и науки о культуре (отнесение явлений к общезначимым ценностям). Критерием деления наук явилось отнесение

их предметов к ценностям. Таким образом, все науки классифицировались в зависимости от двух критериев: 1) принципа «ценности»; 2) с точки зрения «общего» и «индивидуального». В зависимости от первого критерия эмпирические науки распадаются на «науки о природе» и «науки о культуре», в соответствии со вторым критерием выделяют науки «генерализирующие» и «индивидуализирующие».

Генерализирующие науки ставят задачу отыскать нечто общее в многообразии действительности, рассматривают ее с помощью общих понятий, с точки зрения общего. Их особенность заключается в поиске безусловно общих суждений о действительности, т. е.

понятий естественных законов. Логической сущностью этих законов является то, что они не содержат ничего такого, что встречается только лишь в единичных и индивидуальных явлениях [7, с. 76–77; 4, с. 11].

Индивидуализирующие науки на основе наглядного многообразия действительности исследуют только отдельные индивидуальные события человеческой жизни, которые являются однократными, неповторяемыми явлениями. Это науки исторические в самом широком смысле этого слова, которые не ставят цель образовать общее понятие — история излагает действительность всегда с точки зрения индивидуальности.

Получается, что одни науки ищут в познании действительности общее в форме законов и образуют естествознание. Другие науки стремятся показать индивидуальное в форме единичного становления, создавая тем самым историю. Однако это не означает непроходимых границ между науками: в науках о природе единичное явление имеет для нас значение экземпляра как части общего понятия, которое мы изучаем естественно-научным методом. В явлениях культуры наш интерес направлен на особенное и индивидуальное, на их единственное и неповторяющееся течение — мы стремимся изучать события индивидуализирующим методом, что не исключает поиск исторических параллелей и закономерностей.

Основная заслуга неокантианцев в области методологии науки состоит в выявлении особой природы методов. Ими было показано, что историко-индивидуализирующий

метод есть метод отнесения к ценности, а естествознание направлено на установление закономерных связей. Немецкие философы Г. Риккерт и В. Виндельбанд обосновали важность формального критерия разграничения наук. Они различали два вида эмпирической научной деятельности. На одной стороне — науки о природе, или естествознание. Эти науки видят в своих объектах бытие, свободное от всякого отнесения к ценности. Их цель — изучить общие абстрактные отношения, законы, значимость которых распространяется только на бытие. Особое для них только «экземпляр». Это одинаково относится и к физике, и к психологии.

На другой стороне стоят исторические науки о культуре. Они изучают объекты, отнесенные к культурным ценностям. Как исторические науки, они изображают их единичное развитие в его особенности и индивидуальности [7 с. 142; 4, с. 15].

Теория Г. Риккерта подвергалась критике. Так, сторонники психологической школы критиковали его за шаткие, по их мнению, критерии деления наук (отмечалось, что немецкий философ использует термины «преимущественно», «главным образом»). Риккерт, по их мнению, не дал абсолютный критерий деления наук и не смог создать полную и четкую классификацию наук.

Действительно, в учении немецкого мыслителя науки о культуре по своей природе однородны с гуманитарными или общественными науками. Он различает единичность, как экземпляр известного рода, и собственно индивидуальность, как нечто особенное,

как особую единичность из-за отнесения ее к «культурной ценности». Однако заметим, что свою историю имеет всякая реальность: любой объект природы (минерал, почва, растение, животное, планета) можно представить как экземпляр известного рода. Человек может рассматриваться как простой экземпляр породы *homo sapiens* и как своеобразная индивидуальность, имеющая свою историю. Разницы по существу метода изучения здесь не имеется, ибо предмет всегда будет оцениваться как индивидуальность.

Значение теории Риккерта огромно не только для истории науки, но и для теоретического осмысления проблем методологии. Во-первых, он привнес критерий «ценности» в научную методологию, во-вторых, разделил область культуры и сферу природы, в-третьих, ограничил компетенцию истории только предметами, представляющими особенное значение.

С точки зрения неокантианской методологии, право есть культурное явление, культурное «благо» [2, с. 54]. Если перенести методы, предложенным Риккертом, на изучение права, то мы получим естественную науку о праве и историческую науку о праве. Историческое право есть единичное индивидуальное право. Естественное право — это то право, которое имеет общее значение и носит характер всеобщего долженствования. Однако в таком толковании процесса правопонимания происходит смешение природы права — получается естественная наука о праве как культурном явлении.

Основоположник психологической теории

права Л. И. Петражицкий в основу деления наук положил принцип суждений относительно предмета изучения, т. е. различие научных точек зрения. Исходя из этого критерия, юридические науки подразделяются на два вида: теоретические, которые изучают сущее и практические, предмет их исследований — должное поведение.

Теоретические науки включают в себя классовые науки (они нацелены на поиск идеи всех предметов, обладающих только им свойственными признаками; так, наука общая теория права находится во главе юридических наук) и — индивидуальные (исследует индивидуальные понятия — напр., Россия, русский народ). Индивидуально-теоретические науки в свою очередь распадаются на описательные науки (почвоведение, география — описывают явление со статической точки зрения) и повествовательные (история — изображение индивидуальных событий с динамической точки зрения).

Практические науки объединяют нормативные науки (науки о должном поведении вне зависимости от целей: нормы нравственности, права) и телеологические науки (указывают цели и средства для достижения практических целей). Последние считаются прикладными науками: гигиена, медицина, педагогика.

Л. И. Петражицкий выделил пять типов наук вообще: теоретические науки (классовые, описательные, исторические) и практические науки (нормативные и телеологические — прикладные). Завершением всех наук является философия.

Философия — это очень сложная наука, которая включает в себя теоретическую философию, изучающую реальное бытие и философию практическую, ставящую своей задачей поиск высшей цели, смысла существования, высших началах поведения человека.

С точки зрения неокантианской философии, нам мало объяснения причинной необходимости мира, мы хотим, чтобы мирозерцание помогло понять смысл нашей жизни, значение нашего «я» в мире, сущность права. Поэтому наряду с теоретической философией важно создать практическую дисциплину о смысле высшей цели жизни [4, с. 33].

По мнению сторонников психологической школы права, деление наук на «науки о природе» и «науки о культуре» все же не учитывает практические науки; в связи с этим классификация Л. И. Петражицкого представляется им шире формулы Г. Риккерта [4, с. 39]. Согласно теории Л. И. Петражицкого, юридические науки относятся к этическим явлениям (род), где этика предстает как класс нравственных явлений и как класс правовых явлений (вид).

Классификация юридических наук, по учению Петражицкого, выглядит следующим образом. К теоретическим наукам о праве относятся классовые науки о праве (общая теория права), описательное правоведение, история права. Практические науки о праве включают телеологические науки о праве (общая политика права во главе) и нормативные (догматические) науки, т. е. юриспруденцию в тесном смысле слова. Завершением данной классификации является философия

права, которая включает в себя высшую теорию права, высшую телеологию, высшую политику права.

Можно отметить несколько значимых в методологическом плане теоретических идей, высказанных на рубеже XIX–XX веков, которые следует учитывать при создании классификаций в области юриспруденции сегодня. Прежде всего, стоит заметить, что нельзя смешивать догму права с теорией права, так как данные науки методологически принципиально отличны друг от друга.

Так, теория права имеет своим объектом реальное право, познает его специфическую природу, отличительные свойства, причинные тенденции, вне зависимости от места, времени действия и даже конкретного содержания права в прошлом, настоящем и будущем. В рамках этой науки познается родовая природа права, как особый класс явлений.

Что касается догмы права, то она представляет собой практико-нормативную дисциплину о должном смысле права, которое действует в данное время в конкретной стране. Догма права стремится уяснить и истолковать, какое поведение обязательно по данному действующему праву внутри государства или в области международного права. Поэтому догматика права не может быть единой дисциплиной, как теория права.

Л. И. Петражицкий считал, что основным делением права в теоретическом смысле является его подразделение на две логические категории: позитивное и интуитивное виды права. В позитивном праве основанием обязательности поведения является ссылка на

внешний авторитет (закон, обычай, веления Бога). Оно в свою очередь делится на законное, обычное, прецедентное и др. Уровень интуитивного права предполагает, что основанием должного поведения является собственное убеждение, ссылка на внутренний голос совести, справедливости.

В отличие от Г. Ф. Шершеневича, который тщательно анализировал системы частного и публичного права [10, с. 123–145], Л. И. Петражицкий и его последователи не уделяли особого внимания этому вопросу, считая его только лишь историческим. Сторонники психологической теории права делали акцент на социальном назначении права. Коль скоро, право по своей сути регулирует поведение людей, то важным оказывается различие объектных представлений — образов действий, образующих специальные виды права. Так, к публичному праву относятся: конституционное право, административное право, финансовое право, уголовное право, процессуальное право и др. К частному праву — все виды «частного служения», все сферы «эгоцентрического правосознания». По каждому виду права устанавливается пять типов наук. Например, относительно уголовного права: 1) теория уголовного права, 2) история уголовного права, 3) описательное уголовное законоведение, 4) догматика уголовного права, 5) политика уголовного права [4, с. 45–46].

Большой вклад в методологию правопонимания внес сторонник баденского направления неокантианства Б. А. Кистяковский. Он выступил с идеей методологического плюра-

лизма в юриспруденции. Отечественный философ права, как сторонник учений Виндельбанда и Риккерта, утверждал, что идея права должна анализироваться с точки зрения ее значимости и ценности. Именно значимость права, не являясь эмпирической данностью, доказывает подлинную реальность права. Право в трактовке неокантианцев относится к сфере «чистых этических ценностей» и к области «культурных благ общественности». Поэтому Б. А. Кистяковский считал методологически важным строго разграничить научно-теоретическое и юридико-догматическое изучения права. Разница между общей теорией права и догматической юриспруденцией, по его убеждению, проявляется не в степени и обширности производимых ими обобщений, а в принципиально различных методах, применяемых в этих науках.

Отечественный правовед выделял четыре теоретических и два практических понятия права. Государственно-организационное понятие права оценивает право как приказ власти (правом признается то, что государство приказывает считать правом). Оно разрабатывается в основном юристами-позитивистами. Это понимание права, считал Кистяковский, недооценивает роль обычного, государственного, международного права. Социологическое понятие права исследует его реализацию, т. е. весь спектр национальных, бытовых, экономических и иных отношений, проявляющихся в правоотношениях. Данный подход не учитывает целесообразный аспект, необходимый для понимания права. Психологическое понятие права основывает-

ся на изучении психических переживаний долга и обязанностей, образующих правовую психику. Эта теория, при всей оригинальности, не может охватить всю палитру объективного права. Нормативное понятие права подходит к изучению права как к совокупности норм, заключающих в себе идеи должного поведения людей. Технические (практические) понятия права представляют собой юридико-догматическое и юридико-политическое изучения правового материала, требующие точного, ясного изложения действующей системы права в наиболее понятной форме изложения.

Основываясь на этой методологии, представляется очень сложным исследовать реальные правовые отношения. Этот недостаток признавался и Кистяковским. По всей видимости, ему, как неокантианцу, важнее было показать познавательную ценность понятия права, его нацеленность на культуру в целом.

Важно заметить, что все понятия права в концепции Б. А. Кистяковского равноценны; между ними нет логической подчиненности. Именно это, на наш взгляд, не позволяет в рамках науки теории государства и права сводить методологически разные концепции права в одно единое правопонимание. Взаимосвязи разных правопониманий сложнее, поэтому здесь не может быть простой унификации. Причина этой сложности, как неоднократно указывали теоретики и философы права, состоит в творческом взаимодействии юриспруденция с философией, и ее уровень всецело определяется глубиной научно-фи-

лософского сознания данной эпохи.

Многогранность правового феномена, как показали сторонники критической философии, определяется тем, что наряду с научным познанием права, определяющим множеством методов его исследования, право одновременно является и важнейшим социальным регулятором. Иными словами, в научном плане право следует изучать в системе методологического плюрализма, но помнить, что природа его, как социального явления, едина.

Идеи философов права по вопросу понимания и классификации юридических наук, высказанные еще в начале XX века, представляют не столько исторический интерес, сколько могут и должны быть рационально использованы в современных исследованиях в области методологии, философии, общей теории права.

Примечания

1. Виндельбанд В. Естествознание и история. Прелюдии. СПб., 1904.
2. Кистяковский Б. А. Реальность объективного права. Логос. 1910. Кн. II.
3. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В. В. Сапова. СПб., 1998.
4. Михайлов П. Е. Об основных видах наук о праве. К вопросу о классификации юридических наук. Новые идеи в правоведении. СПб.: Изда-

тельство «Образование», 1914.

5. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1905.

6. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1904.

7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.

8. Фролова Е. А. Б. А. Кистяковский о природе права // Кантовский сборник. 2014. № 2.

9. Фролова Е. А. Методологические проблемы науки о праве в учении Б. А. Кистяковского (полемика марбургской и баденской школ неокантианства) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 3.

10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учебное пособие. В 2-х томах. М., 1995. Т. 2. Вып. 2, 3, 4.

УДК 34

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц в российском праве

Андреева Ольга Николаевна, заместитель начальника
Управления государственной гражданской службы, правового
обеспечения и делами Полномочного представительства
Чувашской Республики при Президенте Российской Федерации
aon429950@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются первые этапы развития и последующего становления института несостоятельности (банкротства) физических лиц (граждан) в Российской Федерации, описаны первые «победы» и «поражения» вступивших в силу с 1 октября 2015 г. изменений, внесенных в ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ, осуществлен анализ ряда официальных сведений, которые легли в основу соответствующих заключений в области регулирования реабилитационных процедур должника-гражданина. **Ключевые слова:** банкротство, институт несостоятельности, физические лица, право.

С неожиданно резким переходом России в 1991 году к рыночной экономике в условиях последствий мирового финансового кризиса, вопрос о необходимости законодательного регулирования отношений в области долговых обязательств набирал свои обороты.

Так, формирование механизма нормативно-правового регулирования отношений несостоятельности началось с Закона Российской Федерации от 19 ноября 1992 года N

3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий». Со временем развитие и укрепление условий свободного экономического рынка вызвало необходимость в урегулировании проблемы банкротства отдельной категории физических лиц — индивидуальных предпринимателей, что нашло свое отражение в статье 25 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая вступила в силу 1 января 1995 года. Однако, вступивший

UDC 34

The Institute of insolvency (bankruptcy) of individuals in Russian law

Andreeva Ol'ga Nikolaevna, deputy head of the department of public civil service, legal support and affairs of the Authorized representation of the Chuvash Republic under the President of the Russian Federation

aon429950@mail.ru

Annotation: In the article the first stages of development and the subsequent formation of institute of insolvency (bankruptcy) of natural persons (citizens) in the Russian Federation are analyzed, first «victories» and «defeats» of the changes which have come into force since October 1, 2015 made to the Federal Law from 10.26.2002 no. 127-FZ are described the analysis of a number of official data which have formed the basis of the corresponding conclusions in the field of regulation of rehabilitation procedures of the debtor citizen is carried out. **Keywords:** bankruptcy, institute of insolvency, natural persons, law.

1 марта 1998 года Федеральный закон от 8 января 1998 года N 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» уже содержал первые зачатки формирования института банкротства граждан, в нем содержалась глава IX, которая называлась «Банкротство гражданина».

К сожалению, применение указанных в данной главе норм не привели бы к юридически грамотному решению долговых проблем физических лиц, во-первых, по причине

отсутствия прочной законодательной базы, во-вторых, по причине невостребованности физическими лицами в принятии на себя денежных обязательств на тот период времени. Очередной попыткой развития института банкротства граждан стал Федеральный закон от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который, как и ранее не смог укрепить свое положение в рамках правового поля, ввиду недостаточно

развитого механизма правового регулирования в отношении должников-граждан. Таким образом, длительное время объектами процедур банкротства являлись только юридические лица и индивидуальные предприниматели, в то время, когда механизм правового регулирования отношений несостоятельности с участием физических лиц находился в выжидательной позиции на протяжении 14 лет до вступления в силу 1 октября 2015 года Федерального закона N 154-ФЗ от 29.06.2015. Это было обусловлено необходимостью выработки четкого построения компромиссов между интересами граждан-должников и кредиторов.

Ответ на вопрос о том, необходимо ли было принятие Закона о банкротстве физических лиц, не подлежит сомнению. Его принятие и юридическое закрепление вызвано крайней необходимостью усовершенствования порядка регулирования долговых обязательств физических лиц в условиях отечественной социально-экономической ситуации. Только по официальной статистике долги россиян банкам на начало 2016 года превысили 9 трлн. руб., что почти сопоставимо с годовым бюджетом страны. Из них более 400 млрд. руб. признаны проблемными. Более 45 % экономически активного населения, т. е. более 34 млн. человек, живут в настоящее время в кредит.

По оценке Центрального Банка РФ, на конец 2016 года просроченная задолженность населения перед банками составила 1,04 трлн. рублей (10 % от общего объема ссуд).

Между тем, принятие указанного норма-

тивно-правового акта на практике вызвало множество вопросов, связанных с реализацией нововведенных норм, более того стали существенно проявляться правовые пробелы регулирования долговых проблем.

Ряд исследователей и обозревателей называют их в следующих моментах.

Одним из первых выделяют дефицит сложившейся практики, который начинает проявляться уже с попыток проведения реструктуризации долга. Установлено, что случаи утверждения плана реструктуризации задолженности встречаются довольно редко. Основной причиной данного факта является отсутствие стабильного дохода физического лица-должника, а также боязнь кредиторов предоставить длительные рассрочки из-за неуверенности в соблюдении должниками графиков выплат.

Следующий момент. Исключается возможность прохождения установленной законодательством последовательности стадий банкротства граждан. Исходя из норм, должнику выгодно сразу перейти к процедуре реализации имущества, которое по общему правилу длится всего 6 месяцев. Данный шаг направлен на сокращение сроков рассмотрения дела, отсюда появляется возможность минимизировать риски оспаривания сделок со стороны кредиторов, а также ограничение их осведомленности сокращает возможность предъявить требования для включения в реестр требований кредиторов.

Следует учитывать, что данное развитие обстоятельств чревато ущемлением прав кредиторов, особенно в случаях, когда имуще-

ство скрыто и управляющий недобросовестно выполняет обязанности по его поиску и истребованию.

К тому же скорое прохождение гражданином процедуры банкротства не свидетельствует об уходе от долгов.

Еще одна проблема реализации данного закона связана с его финансовой затратностью. Реализация имущества возможна лишь финансовым управляющим, без которого должник не сможет реализовать и всю процедуру банкротства. Деятельность финансового управляющего подлежит в соответствии со ст. 20.3 Закона о банкротстве вознаграждению, минимальная сумма которого составляет десять тысяч рублей и два процента от стоимости реализованного имущества. Арбитражный управляющий заинтересован исключительно в «выбивании» денег из гражданина в пользу увеличения доходов от своей деятельности. На ряду с этим стоит еще одна проблема доверия, выраженная в том, что отсутствуют единые требования к отчетам финансового анализа управляющего. Не регламентирован процесс контроля за деятельность по оценке имущества и его продаже.

Порядок обращения взыскания на имущество должника определен ч. 1 ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако, до сих пор остается законодательно неурегулированным вопрос обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина, стоимость которого превышает сумму долга. Остается спорной ситуация, когда рыночная стоимость такого жилого помещения может быть доста-

точной не только для погашения долгов, но и для покупки другого, более дешевого помещения, пригодного для проживания, как для самого должника, так и для членов его семьи. Возникает вопрос, каким образом, с учетом каких показателей и основании каких документов проводить данный анализ, в связи с тем, что уровень жизни, уровень потребностей, а также доходов и необходимых расходов у всех разный и невозможно всех произвольно привести к единому коэффициенту. Конституционный Суд РФ в постановлении N 11-П/2012 устанавливает иммунитет на слишком дорогие принадлежащие должникам единственные для них жилые помещения. Между тем, в этом же постановлении указывается правовую дефектность ч. 1 ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Механизм урегулирования банкротства в отношении иностранных граждан также имеет свои пробелы: не определен порядок действий арбитражного управляющего, в случае отсутствия у банкрота активов в России, а иностранные банки отказываются блокировать его счета; не урегулированы случаи, если процедура банкротства ведется в двух странах, а активы находятся в третьей, к кому поступит выручка от их продажи.

Еще одной сложностью, по мнению исследователей, с которой приходится сталкиваться на практике соответствующая квалификация от судей. К тому же возникают сложности, связанные с отсутствием опыта, также и у арбитражных управляющих. В этих целях 13 октября 2015 г. Верховным Судом

было принято Постановление Пленума N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

Так, например, сложилась неоднозначная судебная практика, связанная с банкротством умерших (банкротством наследственной массы). Существует позиция судов при которой в банкротстве должника-гражданина отказывают с обоснованием, что смерть гражданина является «событием, которое устанавливает факт завершения процедуры». Или известны случаи, когда суды отказывают в банкротстве наследственной массы, если она превышает долги умершего, так как к скончавшемуся гражданину нельзя применить реструктуризацию долгов.

Что уже говорить о юридической грамотности обычных граждан-должников, которые в силу недостаточной осведомленности недооценивают последствия, которые накладывает новый механизм финансового оздоровления. Трудности в ходе реализации процедуры банкротства начинают возникать с момента подачи заявления, к которому необходимо собрать огромный пакет прилагающихся документов. Мало кто знает об ограничениях, накладываемых на признанного банкрота, таких как обязанность 5 лет указывать на факт банкротства при обращении за кредитом., также в течение 5 лет должник не вправе повторно инициировать свое банкротство, в течение трех лет с даты признания гражданина банкротом занимать должности в органах управления юридического лица, таким

вызывая в будущем сложности с трудоустройством. распоряжается средствами, находящимися на счетах и во вкладах в кредитных организациях, право на выезд из Российской Федерации может быть ограничено.

В рамках банкротства возможно оспаривание обычных гражданских сделок, таких актуальных в настоящее время как по ипотеке, купле-продаже, дарению имущества и т. п. Так, в статье 213.32 указана возможность оспаривания сделок должника-гражданина, совершенных до 1 октября 2015 г., с целью причинения вреда кредиторам. Указанные правоотношения могут быть признаны недействительными по требованию финансового управляющего или конкурсного кредитора (уполномоченного органа). Статьи 61.2 или 61.3 Закона также предусматривают возможность подачи заявления об оспаривании сделки должника-гражданина в течение 3 лет. При этом срок исковой давности исчисляется с момента, когда финансовый управляющий узнал или должен был узнать о наличии установленных данными нормами оснований.

Важно, чтобы должник-гражданин понимал, что освобождение от исполнения обязательств не является целью банкротства гражданина. Прекращение исполнения обязательств применяется только в исключительных ситуациях. В соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве, установлен широкий перечень оснований, когда должник-гражданин не освобождается от долгов. К нему относятся неправомерные и недобросовестные действия должника при банкротстве, например, представление недос-

товерных сведений компетентным лицам, сокрытие или умышленное уничтожение своего имущества, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и т. д.

Таким образом, банкротство без списания задолженности теряет свою целесообразность так же, как и наличие кредиторской задолженности в размерах 500 тыс. руб. Начало процесса о признании себя несостоятельным (банкротом) лишено смысла, поскольку этот процесс не только не избавит от непосильных долгов, но еще и заставит понести расходы на судебные издержки. Не справедливыми окажутся последствия для должника, подписавшего мировое соглашение с кредиторами и погасившего задолженность после признания банкротом.

Приведенные факты свидетельствуют о необходимости существенных преобразований в сфере долговых отношений физических лиц, однозначно требующих значительного повышения качества и прозрачности исполнения, а также снижения стоимости затрат на проведение процедуры банкротства данной категории лиц.

Вместе с тем, принятые изменения в законодательстве о несостоятельности физических лиц является цивилизованным способом реабилитации должниками-гражданами, находящимся в сложном материальном положении, своей платежеспособности.

Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в НПЖ Диалог

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике журнала.

2. Представляемая рукопись статьи должна содержать:

— универсальный десятичный код (УДК);

— сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, рабочий адрес, адрес электронной почты, контактные телефоны и домашний адрес для отправки авторского экземпляра журнала);

— название статьи на русском и английском языках;

— аннотацию на русском и английском языках;

— ключевые слова на русском и английском языках;

— список библиографических ссылок на русском языке (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.05 — 2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках, использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом не более 12 машинописных страниц направляется в редакцию либо в распечатанном варианте — на почтовый адрес редакции, либо в электронном — на **avtor@npzhdialog.ru**

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman; размер шрифта — 14; интервал — 1,5. Поля — по 2 см. с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати.

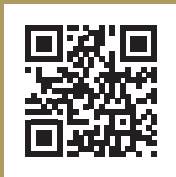
8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет».

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес редакции:

602264, Россия, Владимирская обл., г. Муром, Карачаровское шоссе, д. 7

Тел.: 8 (49234) 77-2-44, E-mail: **info@npzhdialog.ru**

№ 4 Декабрь 2016